

The book cover features a complex design. On the left, a black and white photograph shows a large, classical-style building with columns, partially destroyed. The rest of the cover is a vibrant orange color, overlaid with a detailed historical map of Eastern Europe and the Soviet Union. The map is marked with numerous white arrows indicating military movements and various labels in Cyrillic, such as 'Восточный фронт' (Eastern Front), 'Западный фронт' (Western Front), and 'Южный фронт' (Southern Front). The title is written in a large, stylized, outlined font across the center of the map.

Война одна - судьбы разные

Юницкий
Валентин Александрович

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Современный культурный центр им. П.П. Булыгина»
Гороховецкого района Владимирской области

*Великой Победе
посвящается...*

Война одна – судьбы разные

ЮНИЦКИЙ Валентин Александрович

г. Гороховец
2023г.

**ББК Кр.83.3(2Рос-Рус)
Ю 52**

Юницкий Валентин Александрович // МБУК «СКЦ им. П.П. Булыгина». – Гороховец, 2023. – 44 с.: ил. – (Война одна – судьбы разные)

Сборник подготовлен по материалам архивных рукописей автора, фото из семейного архива.

Редактор: Бусько Л.В.

Компьютерная верстка, дизайн: Осипова В.А.

Валентин Александрович Юницкий (1910–2006)

Родился в Ивановской области в с. Пестяки. Его отец Юницкий Александр Яковлевич работал учителем Подболотновского училища Селищенской волости Покровского уезда. С началом 1 Мировой войны был призван в армию. Умер 26 декабря 1914 года после ранения в военном полевом госпитале.

Жене погибшего О.Г. Юницкой в 1916 году как вдове от земства была назначена пенсия. Однако жизнь, с маленьким сыном на руках, оказалась ей не по силам – пришлось переехать на жительство в Гороховец к отцу.

Здесь прошли детство и юность Валентина Александровича

Юницкого, которого, как и его отца, война не обошла стороной. Он участвовал в Великой Отечественной войне, имеет ордена и медали за боевые заслуги. Жил в Гороховце. В конце 80-х годов прошлого века написал воспоминания о своем детстве, о родном городе и его жителях.

Из жизни фронтового шофера

Если из фасада нового красивого здания вынуть один или два кирпича, фасад не только потеряет красоту, но здание в какой-то степени потеряет и прочность. Вот так каждый солдат Советской армии во время войны имел свое назначение, и если он выбывал по какой-то причине, его надо было заменить (для этого существовали запасные полки), для того чтобы не нарушить прочность армейского или дивизионного назначения воинской части. Некоторые люди, не принимавшие участие в войне и даже участвовавшие в ней, имеют совершенно превратное понятие о работе военных шоферов во время войны в действующей армии.

Первый эшелон находился на расстоянии примерно винтовочного выстрела на поражение от противника, второй эшелон был также не очень далеко от первого, но, однако, не должен быть подвержен обстрелу противника. Первый эшелон действующей армии не мог обходиться без второго, он не мог идти в наступление, пока второй эшелон не обеспечит его снарядами, продуктами, горючим.

Недолгие стоянки автобатов весной, осенью и летом были в лесах, около дорог, зимой в лесных деревнях. В лесу рыли землянки для жилья, там же стояли тщательно замаскированные машины, да собственно говоря, машинам стоять было некогда, они почти все время были в движении, так что шоферам приходилось спать по три-четыре часа в сутки, а то и меньше. И это не неделями, а месяцами. Нет сомнения, что более рискованной, чем в автобате, была работа шофера на буксировке 45-тонной противотанковой артиллерии и шоферов на «Катюшах», сначала «Катюши» были на шасси ЗЖ-5, потом их перемонтировали на шасси «Студебеккер» – более проходимые по фронтовым дорогам. Этих машин в автобатах не было, они были в составе первого эшелона. Работать в действующей армии во втором эшелоне приходилось тоже не беспечно, преодолевали и

опасности, и броды через реки, когда они уже начинали покрываться льдом. Вот об этом-то и будет в дальнейшем мое повествование, все, что мне пришлось испытать, и что я запомнил через пятьдесят лет.

Мобилизационную повестку я принял довольно хладнокровно, на второй день мобилизации, причем Сталин и Ворошилов истошно врали народу, что воевать Красная Армия будет только на чужой территории и продовольственных запасов у нас имеется на всю страну на десять лет. Я, да и никто, не рассчитывал, что война затянется на четыре года. Ведь в 1939 году я был мобилизован Резинокомбинатским райвоенкоматом г. Ярославля и направлен на что-то похожее на войну. Скорее, это была какая-то военная «экспедиция» по «освобождению» Западной Белоруссии от польского «ига». Нужно признать, что «угнетенные» не очень-то были рады «освободителям». Я в этой экспедиции возил штаб 140-го гаубичного полка на небольшом автобусе «ГАЗ». Работая на штабном автобусе, я несколько был в курсе всех военных событий полка. «Механизация» передвижений пушек была конная, то есть их возили лошади, называемые «битюгами». Но наш полк, на счастье, не сделал ни одного выстрела, «экспедиция» закончилась, поляки дали согласие в отношении Западной Белоруссии и Западной Украины. Но война 1941 года с фашистской Германией носила в себе совершенно другой характер.

Пока мою машину готовили на войну, а машину принимала в военкомате опытная комиссия из механиков гаражей, я находился дома. Через два дня я уже сидел в кабине своего «ГАЗа» на железнодорожной платформе в г. Ярославле. Назначение нашего железнодорожного состава было в Ригу, но до нее не дошел. Рига была занята гитлеровцами, и наш состав остановился, не доезжая Великих Лук, посередине поля. Здесь мы разгрузились. Было утро, машины отогнали в ближайший лес, замаскировали срубленными ветвями, в лесу же построили палатки для жилья, замаскировали. Вот только

тогда артбатальон был выстроен для знакомства солдат с командиром.

Командиром батальона был высокого роста, очень смуглый брюнет с быстрыми движениями – Черепанов. Комбат имел одну «шпалу» (прямоугольник) в петлице. Батальонным комиссаром был широкоплечий, среднего роста, с открытым взглядом мужчина с фамилией Карасев.

После этого построения мы их редко видели в батальоне, они все время находились в движении, определяли места передислокации батальона. Они или уезжали на передовую, или же были в штабе 22-й армии Калининского фронта. Они же руководили работой автобатальона, получая приказы штаба армии.

Никаких званий в то время не существовало, обращались по занимаемой должности. Командиром нашего взвода был Гойхман – еврей по национальности, очень культурный, инженер по гражданской специальности. Он в петлице имел один квадрат. Погонов в то время не было. Мне запомнился один из первых рейсов.

Разбудили нас на рассвете, и колонна из десяти автомашин поехала на ближнюю железнодорожную станцию Опочки грузиться снарядами. Погрузившись, мы целых полдня ехали по песчаной дороге. В июле 1941 года стояла жара. На повороте нас остановил солдат, он показал, что налево ехать нельзя, там, вдали, в трех километрах, был город Себеж. Себеж был весь в дыму, на него наседали гитлеровцы. Начальник нашей колонны пошел в мелкий сосняк, где расположился временный артсклад снарядов и сказал командиру склада, что на одной из машин он поедет в Себеж, и если можно будет подъехать к батареям, сгрузит там снаряды. Он так и сделал.

Пока начальник колонны ездил к Себежу, мы, загнав машины в сосняк, подошли всей группой к повороту, наблюдать за ходом боя, но это было не близко и в дыму, покрывшему город, ничего не было видно. По дороге из

города подошел солдат по национальности татарин. Он был закопчен от дыма, держал под мышкой плащ-палатку, на плече винтовка, на голове каска. С него лился пот, что называется «в три ручья». Мы спросили его: «Как дела?» Он нам ответил: «Наша батарея отбивалась от гитлеровцев, но снаряды были на исходе, позвонили в штаб – не отвечают, послали нарочного, он пришел и сказал, что штаба нет, уехал. Тогда мы выстрелили два последних снаряда, вынули замок из пушки, и кто остался цел, разошлись в разные стороны». Мы предложили ему поехать с нами, он отказался, сказав, что найдет свой штаб. Вот такие эпизоды были в первые дни войны.

Потом ставка Главного командования поставила на перекрестках военных дорог заградотряды из пограничников с большими полномочиями, и все встало на свои места.

Однажды наша колонна, груженная снарядами, шла вдоль леса, я ехал в середине колонны и увидел, что из первых двух машин повыскакивали шоферы и бросились к опушке леса, я и другие, конечно, сделали то же самое. Но «Мессершмитт» нас только попугал. На бреющем полете он пролетел над нашей колонной, но ни одного выстрела не сделал. Нужно было быстрее уезжать, пока он не вернулся.

Подфарников на наших машинах не было, нам выдали в фары вкладыши с небольшой щелью для света. Так что, включая фару, свет через щель вкладыша очень мало освещал дорогу перед машиной. Ехать ночью было очень тяжело. Красные стекла задних фонарей заменили на синие, чтобы не столкнуться с кузовом впереди идущей машины. Приходилось очень напрягать зрение.

Надо считать, что ездили ночью почти без света, а колонны направляли с расчетом, чтобы на передовую мы приезжали для разгрузки ночью. Наш батальон часто передислоцировался с места на место, по мере продвижения фронта. Иногда наш автобатальон был совсем близко от первого эшелона, так что шоферам не

разрешали разуваться перед сном, ибо могло быть так, что с места надо было сниматься ночью, а вообще-то мы спали в брюках и гимнастерке. Мои мысли были далеко от дома, жили мы сегодняшним днем, заботились о том, чтобы машина была в порядке и не подводила в рейсе, я смотрел за ее состоянием, и она меня не подводила. Выдали нам короткоствольные винтовки, называемые карабинами, и по одной обойме патронов. Но и эти винтовки негде было приспособить в кабине автомашины. Большинство шоферов, завернув их в тряпку, закладывали за спину. Но все же за состоянием винтовок следил старшина роты – в неделю раз заставлял их чистить, если не были в рейсе.

Не каждый раз передислокация нашего батальона проходила благополучно. На этот раз, продвигаясь вперед (видимо наши части потеснили гитлеровцы), нашу автоколонну, видимо, «засек» гитлеровский самолет-наблюдатель «Вульф», попросту мы его называли «Рамой», ибо он был двухфюзеляжный. Он направил на нашу автоколонну четыре «Мессершмитта», вероятно, летевших с задания.

Последовала команда выбежать из кабины и лечь на землю, близко леса не было. «Мессершмитты» налетели на нас не вдоль колонны, а перпендикулярно, не сразу все, а по очереди. Каждый из них на бреющем полете стрелял из авиационной пушки, но ни в кого не попал. Лишь последний «Мессершмитт» при взлете сбросил какие-то мелкие бомбочки и гранаты в кусты, а там были наши ребята, и двоим покалечило ноги. Их немедленно погрузили в кузов автомашины и отправили в ближайший полевой госпиталь. Так наш батальон потерял двух шоферов. В дальнейшем передислокации стали проводить ночью.

При полете «Мессершмиттов», лежа на спине, на поляне, я имел какое-то непонятное ощущение, не страха, а ощущение того, что тебя расстреливают, а ты ничего не можешь сделать. Во-первых, у нас не было бронейных

патронов, да и не готовы мы были к этой внезапности. Нервы были очень напряжены – смотреть смерти в глаза, смотрящей на тебя через авиационные очки гитлеровского летчика, нажимающего на гашетку, и слушать шлепки о землю авиационных снарядов. Но прозвучала команда: «По машинам», и всякое чувство прошло, как будто ничего не было. Ко всему надо привыкать.

Фронтвые дороги Калининской, Смоленской областей и Белоруссии были очень плохие. В этих областях и в Белоруссии было много болот, речек, малых и больших озер. В колдобинах дорог вязли наши автомашины, проезжали с большим трудом. Я помню, мы всей частью переезжали ночью на другое место расположения. Была поздняя осень. Речка, через которую мы проезжали, вышла из берегов. Мне приходилось ехать чуть ли не вплотную к первой машине, чтобы не оторваться от брода. А утром меня послали на прежнее месторасположение за оставшимся грузом.

Я не мог запомнить брод ночью, да и речка за ночь прибавилась водой, и поэтому я забрался в нее так, что вентилятор забрызгал свечи водой, машина встала. Пришлось снимать брюки и идти вброд до берега в ледяной воде. Выйдя, я не мог идти, ноги озябли и не шли, пришлось их растирать и бежать в часть за буксиром, благо это было не далеко.

В некоторых, почти не проезжих болотистых местах, саперы выкладывали поперечный настил из бревен. Проезжая по этому настилу, прыгая в кабине на сиденье, чувствовали, что наши внутренности как будто отрываются. А настил был 80-100 и более метров, проехать без передышки мы не могли. А что говорить про машины. Листы передних рессор лопались, как бы аккуратно не ехал, и по приезде в часть нужно было их менять. Запасные части отсутствовали, разбирали совсем вышедшие из строя машины.

На этот раз мы автоколонной ехали под Нелидово, груженые снарядами. Жара стояла невыносимая. Я

выпил уже всю воду из фляжки, а ехать еще неизвестно сколько. Недалеко от дороги увидел большую лужу. Взяв котелок, зачерпнув сверху отстоявшейся воды, сделал несколько глотков неприятной на вкус воды. Но все же я решил сделать обход этой большой лужи и что же? На другом конце лужи валялись окровавленные бинты. Судорожно пожав плечами, двинулся догонять переднюю от меня машину.

С проселочной дороги мы выехали на сравнительно хорошую дорогу. Проехав с километр, въехали в большую деревню, где нас ожидал начальник нашей автоколонны. Забежав в первую же избу, мы увидели, что хозяйка отдыхает на койке в одежде. Попросили у нее воды, она показала на ведро, стоящее около лавки. Но зачерпнув и почувствовав по запаху, что это помойная вода, обругали хозяйку и вышли из избы. Напились и наполнили фляжки из колодца. Пока мы ждали прибытия последних автомашин колонны, от жителей узнали, что перед наступлением наших войск, деревню долгое время занимала какая-то дорожная немецкая воинская часть. Колхозницы сжились с ними, кормились около них, ведь гитлеровские солдаты получали хороший паек, да еще добывали продукты. Поэтому-то наши колхозницы на нас смотрели косо и недоброжелательно. Да и чем они могли поживиться у наших солдат, когда мы воевали полуголодные. Мой суточный сухой паек состоял примерно из двух пачек по 200 граммов пшеничных концентратов, одной банки – 250 грамм гороха с мясом и 700 граммов черного хлеба. Но мы не так хотели есть, как спать.

Колхозницы в деревнях, стоящих без леса, относились к нам совсем по-другому. Там гитлеровцы не церемонились с жителями, выгоняли их в другие деревни, а по отступлении сжигали все, так что людям приходилось жить в землянках.

Благополучно приехал в свою часть, мне сказали: «Отдыхай и поедешь в командировку в Дретунь». Дретунь – это военные склады, находящиеся в лесном массиве.

Там были артсклады и склады вещевого довольствия, а в двух километрах от них – большая военная нефтебаза. К складам была проведена железнодорожная ветка. К Дретуни почти вплотную подходил фронт. По приезду в Дретунь, нам не предложили никакого угощения, а сказали, что спать мы будем в кабинах, но походная кухня нас обслуживать не будет. Нагрузившись снарядами, мы каждую ночь без света ездили к артиллерийским позициям по лесным дорогам. Однажды мы проблуждали полночи, чуть не заехав на нейтральную зону. Хорошо, что солдат, поставленный около дороги, не уснул и остановил нас. Но в этой батарее нам не сказали «спасибо», а обругали, хотя мы были не виноваты, потому что «стопятки» не подходят им, им нужны снаряды 76-го калибра.

Побросав в кусты с кузовов снаряды, артиллеристы ждали нас на следующую ночь. Виноват в этом был начальник складов. Командир роты (три квадрата в петлице), видимо, не знал, какого калибра необходимы снаряды, и где стоит артиллерия на передовой.

Днем мы спали и приводили машины в порядок, а ночью отправлялись со снарядами на передовую. Спасть нам приходилось, свесив ноги из кабины или на земле вытащив сиденья. Сколько суток будет наша командировка, мы не знали, нашей задачей было обслуживание фронта, в непосредственной близости от противника.

После очередного ночного рейса мы отдыхали, заправили машины, стали ждать команды на погрузку. Один из шоферов пошел к коновязи лошадей, которых обслуживал мобилизованный колхозник, но без обмундирования. Этот шофер, выйдя на дорогу, увидел столб черного дыма, поднимающегося как раз над нефтебазой. Мы все, выбежав на дорогу, убедились – горела нефтебаза. Через полчаса шоферов и солдат, обслуживающих артсклады, выстроили и начальник складов начал нам врать. Он сказал: «Гитлеровцы высадили десант – десять танков и сто двадцать человек

пехоты. Вы должны устроить засаду и, пропустив танки, остановить движение пехоты. Причем, предупреждаю, что кто из шоферов подойдет к машине и станет ее заводить – расстреляю на месте. Поставьте автомашины в ряд, набирайте из ящиков «лимонки», патроны и под командованием старшины склада отправляйтесь в засаду на опушку леса».

Мы ушли в засаду, а начальник складов, как мы узнали позднее, сел на прикомандированную к нему машину и «умотал» в тыл, вместо того чтобы нагрузить наши автомашины обмундированием, чтоб оно не досталось врагу и отправить в тыл. Он «подарил» склады, наши машины, колхозных лошадей гитлеровцам, лишь бы спасти свою шкуру. Мы группой в двадцать человек под командованием старшины артскладов, придя на опушку леса, выдающегося мыском, залегли в сухих кочках и траве, недалеко от дороги. Нас с дороги, лежащих в редком сосновом лесу и кочках, конечно, не было видно. Касок у нас не было, шинели остались в кабинах, котелки и фляги тоже, ибо наше назначение в засаду было срочным. У нас было только оружие. Прождали мы всю ночь, и вот на рассвете послышался шум гудящих гитлеровских танков. Первые танки шли с закрытыми люками, и каждый танк обстреливал нашу опушку, но снаряды летели выше нас и только сшибали ветки сосен, которые падали на нас. Следующие танки шли уже с открытыми люками, и наверху сидел гитлеровский офицер. Мы стали считать танки и вместо десяти, про которые говорил нам начальник артскладов, насчитали более шестидесяти пяти. Мы поняли, что гитлеровцы прорвали наш фронт, и об этом прекрасно знал начальник складов, поэтому срочно «эвакуировался» на своей автомашине за новую границу фронта. После танков поехала на машинах гитлеровская пехота. Они все сидели в кузовах, на скамейках и громко разговаривали и даже кричали что-то следующей за ними машине. Мы по-немецки не понимали, поэтому не знали, что они с таким пафосом кричали. Когда прошла армада

гитлеровской армии и стали идти только отдельные автомашины, старшина дал знать всем нам, что будем отходить. Отойдя в глубь леса, старшина сказал: «Что мы – двадцать человек, можем сделать против такой гитлеровской армады? Правда, мы можем напасть на отдельную автомашину, но ведь при нападении, и из нас могут быть раненые или убитые. Куда мы можем деть раненых, если мы находимся уже в тылу у гитлеровцев. Предлагаю разделить на две группы. Я беру своих складских, а шофера пойдут под командованием начальника автоколонны. Будем пробираться на новую линию фронта. Идти будем голодные, питания у нас нет». Пройдя еще немного в глубь леса, мы наткнулись на лесное озеро. С той стороны озера по нам начали стрелять. Стреляли не очередями, а отдельными выстрелами. Мы поняли, что стреляли из винтовок и, видимо, такие же, как мы, приняв нас за гитлеровцев. Мы крикнули: «Что делаете, дураки, мы свои!» Тогда стрелять перестали. Разделившись на две группы, каждая выбрала свой путь. В пути к нам присоединялись по два-три человека из разбитых наших воинских частей фронта. Начальник автоколонны, руководивший нашей группой выхода из тылов гитлеровцев, был по званию командиром взвода, имел один квадрат в петлице. Но ему посоветовали, чтобы квадрат он снял, потому что, не дай бог, попадем в плен, его сразу гитлеровцы расстреляют, ибо они были в курсе того, что каждый командир в нашей армии коммунист. Командира взвода ему присвоили перед войной. До этого он служил сверхсрочником. Шли мы параллельно дороге, метров около пятидесяти от нее. Мы видели, что иногда на большой скорости проходят порожние автомашины, прямо сказать, несутся по направлению к нашему тылу или, точнее, к новообразовавшейся линии фронта. Но только остановили одну из них, как послышались автоматные очереди и засвистели, зажужжали пули. Мы не успели вскочить в кузов, как машина «рванула» от нас. Мы побежали к

близлежащему озеру и залегли, приготовившись к отпору, но гитлеровцы не пошли. При обстреле никого не ранило и не убило. Из двух «лимонок» я оставил одну, запал положил вместе со смертельным пластмассовым медальоном в карман, ибо две гранаты в карманах таскать было и неудобно и тяжело. Желудок привык к голоду и перестал ныть, зато ноги спотыкались о всякую неровность почвы. После обстрела мы не хотели рисковать, и пошли не вдоль дороги, а напрямую, но наш ведущий плохо мог ориентироваться по солнцу и вел группу, как мне показалось параллельно предполагаемой линии фронта. Я посоветовался с двумя молодыми солдатами, отбывавшими срочную службу в армии, мы решили отсоединиться от группы и идти более коротким путем. Мы втроем шли по поляне, по болотистому лесу, прыгая иногда с одного лежачего дерева на другое, и наконец, вышли к однопутной железной дороге. Пройдя немного по ней, наткнулись на будку обходчика.

Хозяин будки с семьей уже убежал до нас. Дверь будки была заколочена гвоздями. Зайдя в огород, нарвав зеленого лука, мы, что называется, «позавтракали». Надо сказать, что в желудке что-то заколыхалось и подбавило нам бодрости. Ориентируясь на солнце, мы двинулись дальше и, пройдя несколько километров, нашли бугры с прошлогодней клюквой, почему-то не склеванной птицами. Здесь мы еще пополнили свои желудки. Наконец, мы пришли в лесную деревню, я называю ее лесной потому, что кругом ее обрамляет лес, а за лесом поле. Нас здесь все равно не накормили. Колхозницы смотрели на нас, измученных дорогой, с полными слез глазами. Но повторяли, что они всё, что могли, отдали, остался стакан молока и хлеба только ребятишкам. Мы понимали их, понимали их сочувствие, ведь жили они очень бедно.

Здесь мне пришлось расстаться с моими молодыми спутниками. Они наотрез отказались продолжать наш трудный путь и сказали, что найдут здесь себе бабок и войну провоюют у них под подолом. Я только мог им

ответить, что напрасно они так думают, причем привел поговорку: «бабка надвое сказала» и сел отдыхать у дороги. У одного из моих молодых спутников была винтовка, а у другого ничего не было. Они были молоды, легкомысленны и не понимали того, что попадись они патрулю «СМЕРШ», так называлась войско КГБ, то за потерю винтовки те могли поставить к стенке без суда и следствия, таковы были права «СМЕРШа» во время войны. Минут через двадцать в деревню вошла группа наших, человек двадцать пять, под руководством младшего политрука, куда я и влился. Политрук был из кадровых военных, видимо, «обстрелян в схватках с гитлеровцами, хотя был молодой, но вел группу умело. Перед входом в деревню, он прежде предлагал добровольцам, а таковые были, сначала обследовать, нет ли там гитлеровцев, дать знать нам, а потом мы все входили в деревню. Но в деревнях мы не задерживались, разве что попить.

Подойдя к одной рожице, политрук услышал немецкую речь, он шел первым, поднял руку, чтобы мы не разговаривали, и, пригнувшись к земле, мы стали все обходить эту рожицу, потом, повернув вправо, зайдя в перелесок и поднявшись на бугор, мы увидели своих. В роже была гитлеровская танковая часть, а на бугре ее ожидала наша истребительная рота. На бугре солдаты рыли щели, в стороне стоял штабель бутылок с зажигательной смесью, противотанковых гранат, видимо, не было. Командовал истребительной ротой средний командир, по национальности узбек. Он при виде нас воскликнул: «Вот сколько у нас будет пополнения!» Но я подошел к нему и объяснил, что я был в командировке и наша часть находится около Торопца, недалеко от г. Великих Лук. Под мою «бирку» еще один хитрый мужик объяснил ему то же. Командир истребительной роты с большим неудовольствием отпустил нас двоих, сказав: «Там на шоссе стоит комбат, он все равно направит вас в запасной полк». Действительно на перекрестке большой

шоссейной дороги «Невель – Великие Луки» стоял комбат. Он задержал нас – спросил документы. У меня была красноармейская книжка. Он остановил порожнюю машину и приказал шоферу отвезти нас в запасной полк. Доехав до первой деревни, мы постучали в кабину, спрыгнули из кузова, сказав, что здесь стоит наша часть, и пошли в деревню. Найдя там старшого, спросили его дорогу на Великие Луки и пошли не по дороге, а вдоль дороги, по проселочной. Через несколько часов мы уже были в Великих Луках. В Великих Луках гражданского населения мы не видели, с одного конца в другой, проходили воинские части. Мы подошли к одной из воинских кухонь и попросили у повара два куска хлеба. Покушав и попив, попрощавшись с неизвестным мне спутником, я, спросив дорогу, пошел по дороге на Торопец, где должен был стоять наш Черепановский артбатальон. Еле таща ноги и на плече винтовку, а в кармане «Лимонку», я шел по дороге, истекая потом. Вдруг шедшая навстречу мне машина резко остановилась, из кабины выбежал мой товарищ, земляк и сосед из рядом стоящего дома г. Ярославля – Иван Елисеев. Мы оба были в Черепановском артбатальоне, но в разных ротах. Он сказал: «Ты иди потихоньку, я съезжу в Великие Луки с командиром КГБ и на обратном пути тебя подберу, ну если я не успею, то в пяти километрах от нас стоит наш автобатовский автобус и шофер качает колеса, можешь доехать с ним». Он дал мне целую буханку хлеба, которую я шел и щипал. Итак, я приехал на автобусе в свою часть, несмотря на все перипетии моей пешей дороги.

Каждый день меня назначали рабочим по кухне. Повар, узнав, что я здорово наголодался, подкармливал меня, то есть, давал двойную порцию. Но, несмотря на двойную порцию, мой желудок был полный, мне все равно хотелось есть в течение пяти-шести дней, потом мой организм пришел в норму, а вот тогда, когда я шел и был в течение двух суток голоден, я не ощущал голода и шел, спотыкаясь о неровности почвы.

Сегодня приехал из рейса мой друг и единомышленник Анатолий Падерин – он до войны был инструктором Ярославского областного отдела физкультуры. Широкоплечий, очень сильный молодой мужчина – физкультурник. Он в этот раз был в штабе 22-й армии и достал там, каким-то образом, топографическую карту-миллиметровку (каждый километр – миллиметр), и сведения, что гитлеровцы «жмут» наши войска с флангов, подходя вплотную к Москве, и мы уже находимся в «мешке». Если гитлеровцы «завяжут мешок» нам придется выбираться к новой линии фронта. Неприятная весть, но мы посмотрели на карте и решили, что самый безопасный путь – это на северо-восток. Но к нашему счастью, «мешок» не был завязан – снабжение из Москвы поступало.

Как ни старалось командование Черепановского автобатальона, а особенно его техническая часть, сохранить материальную часть автобата, но это не удавалось. Поэтому Черепановский автобат расформировали, и я попал в 262-й автобат. Наш Калининский фронт переименовали во Второй Прибалтийский фронт, ввели погоны и офицерские звания. 262-й автобат формировался в Курганском районе Челябинской области (после войны стал Курганской областью).

Почти весь личный состав были сибиряки, много выносливей, чем из центральных областей России. Я был «безлошадный», то есть без машины, и в 262 автобате мне «не светило» сесть за машину, ибо никто не болел. Меня использовали в нарядах: в караул и на кухне. Иногда посылали помогать ремонтировать автомашину, иногда посылали в штаб артбатальона писать, на целую ночь, писать не могли, слипались глаза, но старшина давал поспать сорок минут. Я удивлялся: война, а писанины невпроворот, помогал зам. потеху, когда он запустит свой учет. Когда настала зима, а зима была снежная и морозная, наш автобатальон встал на постой в одну из

деревень Калининской области – Сорокино. Деревня была в лесу, машины были поставлены в семидесяти метрах от деревни, в редких соснах. Стоять на посту было и жутко в темноте и страшно холодно, на сорокаградусном морозе. Фронт стоял, и колонны автомашин редко выходили в рейс. Население деревни, в основном колхозницы, относились к нам дружелюбно, ведь мы не гитлеровцы, а свои – защитники их. Жили вместе с колхозниками, а гитлеровцы всех их выселяли в другие деревни, когда занимали эту деревню, но хорошо, что не сожгли. Командовал ротой старший лейтенант Вахрушев – сибиряк. Питались мы исключительно плохо (вот где было налицо вранье в речах Ворошилова). Нам присылали из центральных областей СССР картофель в простых вагонах, и он на сорокаградусном морозе гремел как орехи. Вот для того, чтобы его очистить, нужно было опустить в железную бочку с водой и когда он на миллиметр-полтора оттает, надо было чистить, он делается как лягушка мягким. Вот из этого картофеля почти каждый день мы ели суп, он, как трава невкусный, а на второе пюре из этого картофеля, сдобренного одной столовой ложкой растительного масла, и нажимали на свой семисотграммовый паек хлеба. Нужно признать, что командованию, кроме нашей пищи, выдавали на каждого отдельный паек на месяц, почти килограмм сливочного масла, полкило сухого печенья, восемьсот грамм сухой колбасы, дополнительно сахарный песок и большую пачку легкого табака «Дюбек». Первое время им выдавали по плитке шоколада, но потом отменили. Чай или хвойный напиток нам солдатам выдавали тоже по половнику, ибо туда клали норму нашего сахара.

Дом был большой, в задней жила хозяйка дома – бывшая медсестра, со своей старшей сестрой. Хозяйка сетовала на гитлеровцев, ведь в ее доме жил немецкий генерал, который не ходил в баню мыться, а мылся в доме, в ванной переносной, которую возили с собой, и «сгноил» у хозяйского дома весь пол. В конце деревни был тоже

большой дом, в котором, по словам хозяйки, гитлеровцы устроили офицерский бардак, на несколько гитлеровских частей. Насильно никого туда не затаскивали, шли туда русские женщины добровольно, потому что гитлеровцы давали большой паек, снабжали городской моды одеждой, кормили шоколадом и свежими фруктами в любое время года и проводили регулярный медицинский осмотр. Об этом нам рассказала хозяйка.

В общем, население оккупированной зоны не скрывали людей, сотрудничавших с гитлеровцами, и с какой-то неприязнью о них говорили. В деревне жила одна из красивых «девушек», и вот один из молодых лейтенантов решил за ней «поухаживать», но когда он узнал, что она сожительствовала с гитлеровским офицером, сразу же бросил свое «ухаживание». Вскоре ее «забрал» СМЕРШ. Иногда нашу роту посещал комиссар. Он созывал нас для наставлений, причем иногда довольно глупых. Примерно: «Когда твою колонну бомбят, чтобы шоферы из кабин не выбегали, а продолжали путь или ожидали, когда кончится бомбежка». Но его наставления никто не выполнял, ибо каждый обладал инстинктом самосохранения. Причем, если разбомбят две-три машины, из них еще можно собрать одну, она будет в строю, а вот из двух-трех разбомбленных шоферов никого не соберешь и не воскресишь.

Комиссар был высокого роста, рыжеватый, даже ресницы были рыжие, его никто не уважал за его глупые наставления. После я убедился в его непоследовательности. Зима прошла, и автоколонны одна за другой пошли в рейс. Вчера приехал шофер Тепляков и рассказал нам печальную историю. Его направили на склады, стоящие недалеко от первого эшелона в небольшом лесу. Он должен был отвезти на совещание в штаб армии двух начальников складов, майоров по званию. Он их вез, а на обратном пути они попали под обстрел немецкого «Мессершмитта». Майоры ехали в кузове, и когда увидели самолет, постучали в кабину для

остановки. Тепляков выскочил из кабины и недалеко от машины лег в лывину (лужу-яму), а майоры побежали к лесу. Вот тут-то их и настиг немецкий самолет и расстрелял из пулемета. Теплякову пришлось ждать встречной машины, чтобы поместить в свой кузов мертвых майоров, ибо один поднять их не мог. Вот такую неожиданную, нелепую смерть приняли майоры, не добежав до леса.

Фронт подвинулся вперед, поэтому, нашему 262-му автобату пришлось передислоцироваться. Артбатальон растянулся колонной вдоль дороги, проходящей рядом с березовым лесом. Дорога расходилась в трех направлениях: одна пошла в поле, другая опять после леса, а третья прямо в фольварк, так называли усадьбу помещика местные жители. Колонна поехала прямо в фольварк по аллее. В конце аллеи был двухэтажный дом, но без окон и дверей. Дом и его окружение заросло мелким лесом, зарослями крапивы, да и большими деревьями. Усадьба была давно брошена. Но только мы въехали, установили в окружном лесном массиве автомашины. Не прошло и часа после того, как гитлеровские самолеты заметили нас. Я был послан в караул на левую сторону аллеи, на опушку леса, как началась бомбардировка нашего артбатальона. Я лег за дерево, корни этого дерева выходили выше земли. В эти корни я спрятал голову, поэтому, вероятно, не был контужен. И вот в этот самый момент пробежал мимо меня «гигантскими» шагами комиссар нашего батальона, раскрыв рот и «бухнулся» в заросли крапивы. Интересно, где же были его слова для шоферов о выдержке при бомбежке. После бомбежки прозвучала команда: «По машинам!» И мы поехали искать другое месторасположение. И все же в 262-м автобате мне дали освободившуюся машину. Машину очень «растрепанную». Я сделал на ней всего три рейса. Я помню в одном из рейсов мы ехали по дороге, с одной стороны которой был большой лес, стоящий на болоте, а с

левой стороны на бугре стояли также деревья, так что дорога проходила, как бы в нише.

Начальник автоколонны решил: здесь под бугром нам можно будет приготовить кашу из концентратов и подкрепиться. Мы только успели приготовить рогульки для котелка и собрать хворост, как услышали над деревьями шипение с каким-то внутренним вздохом. Сначала не поняли. А потом догадались, что через нас идет обстрел немецкой дальнобойной артиллерией, вероятно, наших частей, которые стоят за болотистым лесом. Начальник колонны сказал: «А вдруг недолет, и мы пострадаем? Уматываем с этого места, недалеко осталось до места назначения». Но вот в 262-й автобатальон пришел совсем неразумный приказ Сталина, по которому все безлошадные шоферы, то есть не имеющие автомашин, должны отправиться в первый эшелон, а также отправить туда всех слесарей. После Красная Армия по ленд-лизу получила от США «Студебеккеры», а вести эти «Студебеккеры» было некому. Поехали забирать с передовой оставшихся в живых шоферов и слесарей.

Меня командование пока что в первый эшелон не отправило, но зато «навалились» на то, чтобы я подал заявление в члены коммунистической партии, от этого я категорически отказался. И сдержал свое слово. А вот старший сержант, живший в Сороково со мной в одной избе, не мог устоять перед настойчивыми требованиями парторга части, записался в партию и через два дня был отправлен учиться на младшего политрука. Прошло три месяца, и мы его встретили шедшим из полевого госпиталя в другой госпиталь. Он был ранен в руку. Мы спросили его обстоятельства. Он сказал: «Я был командиром роты, и вот в одном из тяжелых боев из моей роты осталось восемь человек, в том числе и я. Мое счастье, что я жив». Мы расстались, пожелав ему выздоровления. Если я «отмотался» от парторга части с его принудительными речами о вступлении в ВКП, то попал в зону влияния «особняка», так мы солдаты звали

представителя Особого Отдела КГБ. Это был майор низкого роста, но с очень приличным носом.

Если солдаты рыли землянки командиру части и комиссару одну на двоих, то этой «персоне» всегда была вырыта землянка для одного. Он ничего не делал и никому не подчинялся, кроме особого отдела армии. Я попал под его внимание, и он вызвал меня в свою палатку, и начал свою речь сначала с «высоких нот патриотизма», хотя и так было понятно, что я не патриот немецкого государства, а советского. Потом он меня спросил, о чем ведется разговор между солдатами, не высказывается ли кто-либо против советской власти. Я ему ответил, что разговор ведется о состоянии наших машин, о рейсах, о питании, а политических разговоров у нас в землянке нет. Тогда он нахмурился и приказал мне, чтобы я шел в подразделение и ничего никому не рассказывал о нашем разговоре и сказал, что вызовет еще. После он меня вызвал еще раз, и ничего не добившись от меня, «отстал» с недовольным видом.

Агента особого отдела из меня не получилось. Когда я рассказал об этом ребятам, спавшим в одной землянке со мной, они мне сказали, что в первом эшелоне такие «особняки» есть, вербуют себе «агентов», но эти «агенты» при первом же наступлении получают в спину пулю, от своих же солдат.

Как ни старался наш опытнейший помпотех роты сохранить материальную часть роты, наш 262-й отдельный автобатальон был расформирован. Меня перевели в 314-ю отдельную роту автоцистерн, но уже Третьего Белорусского фронта. 314-я отдельная рота автоцистерн имела в своем распоряжении 100 автоцистерн на шасси ЗИС-5, всегда заполненных горючим для танков, непосредственно была в подчинении штаба ОСЧ (отдела смазочно-горючего) Третьего Белорусского фронта. Наше месторасположение было между 1-м эшелоном и штабом III Белорусского фронта. Назначение нашей отдельной роты было – заправить танки танковых бригад накануне

броска в бой. Подъезжали ночью, как всегда без света, чтобы противник не обнаружил месторасположение танков. Командовал отделом горюче-смазочного фронта какой-то молодой полковник – фамилию не помню, но только помню, что он был еврей, а нашей ротой командовал старший лейтенант, призванный из Курганского района Челябинской области. Человек он был очень горячий, вспыльчивый, но справедливый. Так как прибыл я в 314-ю отдельную роту автоцистерн, как «безлошадный», то находясь в резерве, поехал в рейс на машине приболевшего шофера.

Была весна третьего года войны. Весь разговор велся в вопросе, когда же американцы откроют второй фронт, гитлеровцы после каждого нашего наступления перегруппировывались и снова иногда отвоевывали территорию, взятую нашими войсками. Наши молодые резервы тоже здорово «таяли». Приходило пополнение женщин и «мужиков» в шестнадцать лет. В нашу часть также поступила, как пополнение, одна «девушка», но так как на фронте родильных домов не было, пришлось отправить ее домой. В этом рейсе не было никаких происшествий, наша автоколонна продвигалась медленно, машины ЗИС-5 с низкой посадкой то и дело завязали в дорожных колдобинах весенней грязи. Если автомашинка автоколонны проваливалась одной стороной в колею с водой, все мы выходили из кабин, рубили деревья, поднимали вагами автомашину, подкладывали жерди и вытаскивали ее. Вот в один из таких моментов, подъехала колонна «Студебеккеров», на них сидели шоферы и, улыбаясь, глядя на наши мучения, приветствовали нас. Но помощь они оказать не могли, они везли срочный груз из Москвы. «Студебеккеры», полученные как помощь по ленд-лизу, имели высокую посадку, как раз для наших фронтовых дорог, привод от мотора для передней и задней осей, мощные бамперы, спереди и сзади, чтобы упираться бамперами и помогать застрявшей машине. Все было сделано из легированной стали и имело чуть не

вдвое легче вес деталей наших ЗИС-5. Впереди у некоторых автомашин были лебедки с тонкими, но крепкими тросами, для помощи другим автомашинам, да и себе в затруднительных случаях дороги. Это были военные вездеходы.

Кроме «Студебеккеров», США дали нам «Шевроле», «Форды», «Доджи» и штабные «Виллисы». Поэтому фронт двинулся в наступление, хотя и была распутица. Несмотря на весомые потери, гитлеровские войска оказывали сопротивление, видимо гитлеровская пропаганда поддерживала моральный дух, и вот что мы прочитали в нашей газете 3-го Белорусского фронта: оказывается, Гитлер надеялся на перелом в войне по той причине, что имел атомную лабораторию, готовившую, видимо, атомную бомбу на озере в Норвегии. Хотя озеро в Норвегии было среди гор, а лаборатория была на судне, стоящем на середине озера, к лаборатории подкрались английские разведчики, спущенные с самолета в водолазных костюмах. Они подошли по дну озера к лаборатории и подняли ее в воздух, взорвав ее со всем ее содержимым.

Так как я был «безлошадным», меня через день посылали в караул. Однажды ко мне на пост пришли начальник караула вместе с начальником продовольствия. Начальник продовольствия сказал: «Отдохнешь после караула и завтра будешь принимать продовольственный склад». «Но ведь я в этом деле абсолютно ничего не понимаю, я шофер и кладовщиком не хочу быть», – сказал я. «Чудак ты, Юницкий, ведь это приказ командования и отказаться, это значит попасть под военный трибунал. Мы – командование части, всех перебрали на совещании и, кроме тебя, никого не нашли. Вино, которое выдают всем солдатам перед праздником, свои сто грамм, ты отдаешь, не куришь, имеешь среднее образование – вот эти качества нужны для кладовщика. А все остальное я тебе расскажу и сумею сделать так, что ты будешь квалифицированным кладовщиком». И он свое обещание

выполнил. Но моего «патрона» штаб фронта послал на заготовку картофеля в Ярославскую область, и он в часть не вернулся, а мне приказали замещать начпрода и одновременно быть кладовщиком продсклада. А продсклад части представлял из себя большую землянку в расположении жилья в лесу.

Мне приходилось очень мало спать – утром надо было отпустить продукты для кухни, ночью иногда отправлялись автоколонны в рейс, и надо было выдать сухой паек, днем отпустить продукты для кухни на обед, а после этого отпускать продукты для ужина. Но мало того, мне нужно было ездить каждый месяц в продовольственный отдел штаба фронта с продовольственным отчетом и получить разрешение на дальнейшее получение довольствия с фронтового продовольственного склада. Иногда капитан Пулькин перечеркивал отчет красным карандашом, и снова приходилось делать отчет. После того, как капитан Пулькин принимал отчет, нужно было подписать разрешение на довольствие начальником продовольствия – полковником. После этого нужно было ехать на продсклад фронта и получать по заявке нужные продукты, потом ехать в Пах (полевой хлебозавод) получать хлеб. Продуктовые склады обыкновенно были в дремучем лесу и представляли из себя настил из досок, а на нем сложены продукты и покрыты брезентом – никакой крыши не было. Все это огорожено колючей проволокой, а также ворота из рамы и колючей проволоки.

В проходной, состоящей из какой-то перевезенной баньки – были караульные помещения и помещения для отдыха кладовщиков. Отпуск продуктов был в любое время дня и ночи. Пахи обыкновенно отставали от темпов передвижения фронта, и за хлебом приходилось ездить очень далеко – это было больное место фронта.

Пах – полевой хлебозавод, представлял из себя длинный дощатый сарай; в нем были сложены из кирпича две печи, в которых пекли хлеб. Все производилось

вручную. Вот когда фронт продвигался вперед – все эти сооружения нужно было ломать и строить снова, на другом месте, ближе к фронту. А в промежутке передислокации Паха приходилось ехать в продсклад фронта и получать сухари – кормить ими личный состав части. С одной стороны это мне было выгодно – я заполнял ими свою недостачу хлеба, а недостача хлеба была потому, что получаешь хлеб горячим, а когда привезешь его, становится в холодном виде уже меньше, но зато сухари, пролежав в сырой землянке трое суток, уже прибавляются в весе. Но с другой стороны личный состав части недоволен – сухари все же не хлеб.

Когда я еще не был назначен начпродом, в карауле я познакомился с честнейшим человеком, который стал мне товарищем – Иваном Пановым. Он в гражданке был механиком-наладчиком текстильной фабрики где-то около Ростова Ярославского. Он меня замещал, когда я был в штабе фронта с продовольственным отчетом, а также в Пахе или Продскладе фронта. Нас обоих вызвал командир части и предупредил: «Не делайте недостачи, ибо я рискую тогда остаться без денежного довольствия – у меня заберут денежный аттестат и моя семья останется без средств существования, а вы рискуете своей жизнью. В случае недостачи вас отдадут в штрафную роту, а из штрафной роты после боя остается в живых только один процент – остальные трупы! Не думайте, что я вас туда отправляю – при штабе фронта имеется особый отдел, вот он вас и отправит в штрафную роту. Так что, ребята, будьте аккуратнее. Подчиняетесь в части только мне, я предупрежу всех командиров в отношении Панова, в отношении тебя – Юницкий, они давно знают». Из ОСГ фронта к нам прислали для прохождения службы старшину, но у нас был старшина. Присланный молодой, стройный парень был лишний и «болтался» ничего почти не делая, он часто отлучался по разрешению командира части. И выполнял незначительные поручения – как, например, отвезти отчет по горюче-смазочному в ОСГ

фронта и др. Он был хороший парень, но очень болтливый. Он наговорил, что в нашей части кормят лучше, чем в ОСГ фронта. Действительно, мы взяли из запасного полка шофера, который не работал никогда шофером, а работал в московском ресторане поваром по первым блюдам. Он из тех же продуктов готовил очень вкусное первое блюдо. Недолго он у нас был – его забрали в штаб фронта. Старшина наговорил своим приятелям в отделе ОСГ, что у нас в части, видимо, много излишних продуктов, потому что суп иногда бывает «не провернешь ложкой». Было так. Я познакомился с кладовщиком фронтального продсклада, они отпускали продукты ночью с фонариками. Эти фонарики часто выходили из строя, Иван Панов был мастер «золотые руки», ремонтировал эти фонарики, поэтому мне кладовщики говорили «спасибо». Но на «спасибо» дом не построишь, поэтому иногда мне давали те продукты, которые были списаны, но продукты были доброкачественные. Примерно, у бумажного мешка с макаронами был подмочен угол – остальные макароны были хорошими, угол подмоченный выкинуть, а хорошие макароны пустить в котел. Так я и делал, поэтому суп был густой.

Мы все ждали открытия второго фронта, но союзники тянули. Но помощь все же оказывали, я стал получать из продсклада фронта американское свиное сало, толщиной 3-4 сантиметра и длиной более метра – это от беконных свиней, получал колбасу без жира в квадратных длинных консервных банках, открывавшихся специальным ключом, но зато китайская свиная тушенка была наполовину с жиром, но очень вкусная. Так что питание личного состава части было намного лучше. Самое главное, чем помогали союзники – это легированный металл: титан, вольфрам, никель и т.п., что необходимо для изготовления бронированной стали для изготовления танков.

Нашего командира части отправили на три дня в командировку, и в этот момент приехал в нашу часть старший лейтенант отдела горюче-смазочного штаба

фронта и потребовал, чтобы я отдал ему ключи от продсклада и книгу учета. Он якобы уполномочен делать ревизию продсклада. Я категорически ему отказал, сказав, что такие полномочия могут быть только у представителя продотдела фронта и без приказа командира нашей части ничего, никому не должен. Он меня арестовал, и я стал отпускать продукты на кухню, только под арестом. Этот офицер был высокого роста, широкоплечий, и я его видел в штабе фронта несколько раз, ибо продотдел и ОСГ фронта были в одном лесу. Через два дня, не добившись от меня ничего, он «смылся». А на третий день приехал командир нашей части. Он был очень горячий человек, страшно выругался, удивился, что меня сопровождали со «свечкой», снял арест и сказал, что он это дело так не оставит. Это было поползновение поживиться нашими продуктами, для устройства банкета в ОСГ фронта, что не удалось. В армию пришло женское пополнение, и вот командиры завели себе фронтовых жен, но в нашей части такового пополнения не было, кроме одной девушки, бывшей на сносях. В ближайшее время нашего командира части куда-то перевели, и вот на его место прибыл тот самый старший лейтенант, который приезжал с неудавшейся проверкой нашего продовольствия. Я подал рапорт об отставке, и меня отправили в запасной полк.

Старший лейтенант, принявший нашу часть, на мой рапорт только засмеялся, сказав: «Мне вот такой человек, как ты, Юницкий, нужен, продолжай свою деятельность, а я не потребую от тебя для себя ничего, кроме того, что мне полагается». И действительно, несмотря на свою «гигантскую» комплекцию, ничего, сверх полагающегося, командир не употреблял. Через три месяца старшего лейтенанта куда-то перевели, а на его место командиром части назначен был капитан Головкин. Капитан Головкин был командир из кадрового состава Красной Армии, энергичный, статный, красивый, молодой человек – этак лет двадцати пяти, весьма веселый. Командующим ОСГ фронта, вместо полковника-еврея, был назначен генерал-

майор Жуков, брюнет, чуть пониже среднего роста. Он иногда заезжал в нашу часть, ибо ему был симпатичен наш командир части – Капитан Головкин. Не все же время быть мрачным, с каким-то морально-напряженным настроением, поэтому капитан Головкин приказал старшине роты на праздник организовать что-то наподобие ансамбля самодеятельности из солдат нашей 314-й роты автоцистерн. Выступление ансамбля состоялось – пели сибиряки песни, играли на балалайке, гитаре и баяне, я же пел сольно две украинские песни: «Ой, та на гори той женцы жнуть» и «Ой ходыла дывчина бэрэжком». Эти песни я запомнил, когда жил в Одессе.

Отправлялись мы с Мишей – шофером фургона, сделанного из грузовой автомашины, всегда в ночь. Когда командир части рисовал нам маршрут, он предупреждал, почему мы отправляемся в ночь, ведь можете наскочить на немецких «лазутчиков». Но все обходилось, хотя вооружены мы были всего одной винтовкой, принадлежащей шоферу и одним трофейным бельгийским пистолетом с семью зарядами, болтавшимся у меня в кармане штанов, ибо кобуры у него не было. Этот пистолет мне привезли ребята из первого эшелона и записали его в красноармейскую книжку, как пистолет ТТ.

Командир Головкин предлагал мне присвоить звание старшего сержанта или старшины, но я отказался, сказав ему, что мне будет работать на должности начпрода много труднее. У меня были знакомые кладовщики, и они мне иногда кое-что «подбрасывали» из продуктов, не записывая в накладную, но предупреждали, чтобы в проходной у меня было все в «ажуре». В проходной у ворот дежурили солдаты и по распоряжению сержанта открывали ворота. Увидев меня – солдаты никогда в воротах меня не проверяли по документам. Поэтому я и отказался от звания, для меня было достаточно того, что меня уважали в нашей части мои коллеги-солдаты. Мне мало приходилось спать, ибо я работал на трех должностях: начпрода, экспедитора и кладовщика.

8. Место рождения и постоянного жительства. Домашний адрес, фамилия, имя и отчество, имя или родителей *Иванов Иван Иванович*

9. Группа крови по Нискому *группа крови не известна*

10. Место рождения и постоянного жительства. Домашний адрес, фамилия, имя и отчество, имя или родителей *Иванов Иван Иванович*

11. Прохождение службы

Часть, подразделение, воинская должность и звание	Место и время	Российская воинская часть
<i>363 стрелковый полк</i>	<i>август 1941 - июль 1942</i>	
<i>2-й полк 2-й бригады</i>	<i>август 1942 - июль 1943</i>	
<i>1-й батальон 1-й бригады</i>	<i>август 1943 - июль 1944</i>	

1. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности *26*

2. Грамотность и общее образование (если основное техническое, указать его название) *среднее*

3. Национальность *русский*

4. Год рождения *1910*

5. Год призыва (указать также - нормальный или досрочный призыв) *с 1934 по 1936 год в 6-й класс школы № 11 в 1941 году*

6. Каким военным призывом призван *2-й классный призван*

7. Специальность до призыва *шафер в кх.*

8. Место рождения и постоянного жительства. Домашний адрес, фамилия, имя и отчество, имя или родителей *Иванов Иван Иванович*

9. Группа крови по Нискому *группа крови не известна*

10. Место рождения и постоянного жительства. Домашний адрес, фамилия, имя и отчество, имя или родителей *Иванов Иван Иванович*

11. Прохождение службы

Часть, подразделение, воинская должность и звание	Место и время	Российская воинская часть
<i>363 стрелковый полк</i>	<i>август 1941 - июль 1942</i>	
<i>2-й полк 2-й бригады</i>	<i>август 1942 - июль 1943</i>	
<i>1-й батальон 1-й бригады</i>	<i>август 1943 - июль 1944</i>	

1. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности *26*

2. Грамотность и общее образование (если основное техническое, указать его название) *среднее*

3. Национальность *русский*

4. Год рождения *1910*

5. Год призыва (указать также - нормальный или досрочный призыв) *с 1934 по 1936 год в 6-й класс школы № 11 в 1941 году*

6. Каким военным призывом призван *2-й классный призван*

7. Специальность до призыва *шафер в кх.*

IV. Вещное имущество

Наименование вещи	Кол-во		ВРЕМЯ	
	Шары	Снаряды	Снаряды	Снаряды
Шаровая патрона	1	1	1	1
Рубака патыльная	1	1	1	1
Рубака тепл. вата	1	1	1	1
Кальсоны	1	1	1	1
Полотенце	1	1	1	1
Плащ носовой	1	1	1	1
Портянки летние	1	1	1	1
Портянки зимние	1	1	1	1
Перчатки теплые	1	1	1	1
Сапоги	1	1	1	1

IV. Вещное имущество

Наименование вещи	Кол-во		ВРЕМЯ	
	Шары	Снаряды	Снаряды	Снаряды
Шаровая патрона	1	1	1	1
Рубака патыльная	1	1	1	1
Рубака тепл. вата	1	1	1	1
Кальсоны	1	1	1	1
Полотенце	1	1	1	1
Плащ носовой	1	1	1	1
Портянки летние	1	1	1	1
Портянки зимние	1	1	1	1
Перчатки теплые	1	1	1	1
Сапоги	1	1	1	1

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

ЗА УЧАСТИЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Иванов Иван Иванович

Ваше имя *Иванов Иван Иванович*

УКАЗом ПРЕЗИДУМА ВЕРХНЕГО СОВЕТА СССР от 8 мая 1945 года НАГРАЖДЕН МЕДАЛОМ

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

От имени ПРЕЗИДУМА ВЕРХНЕГО СОВЕТА СССР МЕДАЛОМ ВОИНА

Иванов Иван Иванович

М. П.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

ЗА УЧАСТИЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Иванов Иван Иванович

Ваше имя *Иванов Иван Иванович*

УКАЗом ПРЕЗИДУМА ВЕРХНЕГО СОВЕТА СССР от 8 мая 1945 года НАГРАЖДЕН МЕДАЛОМ

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

От имени ПРЕЗИДУМА ВЕРХНЕГО СОВЕТА СССР МЕДАЛОМ ВОИНА

Иванов Иван Иванович

М. П.

„ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОВЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Иванов Иван Иванович

Ваше имя *Иванов Иван Иванович*

УКАЗом ПРЕЗИДУМА ВЕРХНЕГО СОВЕТА СССР от 8 мая 1945 года НАГРАЖДЕН МЕДАЛОМ

„ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОВЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

От имени ПРЕЗИДУМА ВЕРХНЕГО СОВЕТА СССР МЕДАЛОМ ВОИНА

Иванов Иван Иванович

М. П.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Иванов Иван Иванович

Ваше имя *Иванов Иван Иванович*

УКАЗом ПРЕЗИДУМА ВЕРХНЕГО СОВЕТА СССР от 8 мая 1945 года НАГРАЖДЕН МЕДАЛОМ

„ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОВЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

От имени ПРЕЗИДУМА ВЕРХНЕГО СОВЕТА СССР МЕДАЛОМ ВОИНА

Иванов Иван Иванович

М. П.

Командир части – капитан Головкин был доволен моим отношением к работе, но и я был доволен своей работой, она как бы вырослась в мою натуру. Чтобы получить разрешение на довольствие с фронтовых складов для части, приходилось ездить ежемесячно с отчетом в продотдел штаба 3-го Белорусского фронта, так как наша часть была в непосредственном подчинении ОСГ фронта. Отделы штаба фронта всегда почти были в лесах.

Находились они в просторных землянках, половина землянки была служебной, а отгороженная плащ-палатками часть служила спальным отделением начальнику отдела. Иногда капитан Пулькин не принимал отчет, а после исправления приходилось ехать вторично, пока не подпишет ордер-разрешение на довольствие полковник – начальник продотдела 3-го Белорусского фронта.

Хотя наша рота автоцистерн находилась между штабом фронта и первым эшелоном, все же потери как личного состава, так и материальной части были. Я помню, стояла наша часть в деревне Суровцево Смоленской области, столовая и командный состав жили в деревенских домах, а солдаты жили в землянках, в болотистом лесу, находившемся рядом с деревней. Принимать пищу солдатам приходилось идти по тропинке из леса в столовую. И вот один из шоферов, спешивший, пошел не по тропинке, а недалеко от тропинки и наткнулся на противопехотную мину с крыльями. Епишев взял эту мину и хотел отбросить ее в кусты, но раздался взрыв, он только успел встать задом, а осколки от мины вонзились ему в зад и спину. Его отвезли в госпиталь, но когда поехали через пять дней в госпиталь, им сказали, что Епишев умер от заражения крови. Вот так нелепо погибали иногда, по своей неосторожности и неопытности, не будучи даже в рейсе.

Все мы вошли в ритм войны, и колонна за колонной, груженные топливом для танков, отправлялись в первый эшелон. Возглавляли колонны средние командиры, и никто

даже не думал о какой-то роковой неожиданности. Однажды, как я помню, наша рота автоцистерн передислоцировалась в Белорусские леса, и ехали мы мимо большого лесного озера и остановились ненадолго на лесной поляне. Мы с Петей – поваром, решили использовать время между обедом и ужином и пошли, взяв винтовки, к озеру, в надежде нельзя ли там наловить рыбы и накормить солдат свежей рыбой. Подойдя к берегу, мы увидели почти разложившийся труп убитого человека в гражданской форме, обойдя его, мы вышли на железнодорожный путь, но чтобы далеко не уйти и не заблудиться, сразу с железной дороги решили пойти напрямую к месту расположения части. Только что, сойдя с насыпи и войдя в срезанную рассадку, мы невольно зашли на минное поле. Немцы, ограждая свои эшелоны от партизан, срезали железнодорожные рассадки и минировали их. Вот мы и попали с Петей на это минное поле. Осторожно перешагивая через проволочки, мы вышли из минного поля. Вот так, не разглядев проволочек, мы могли подорваться на минном поле. На наше счастье все обошлось благополучно.

Есть русская пословица: «И на старуху обрушилась проруха». Так и на меня обрушилась проруха. Выразилась она в том, что какая-то военная часть расформировалась, и к нам прислали на должность начпрод старшего лейтенанта-интенданта, а он «притащил» с собой заведовать продовольственным складом своего кладовщика – старшего сержанта – оба москвичи, причем «ушлые». Я остался экспедитором, и продолжал бы работать, но меня и шофера – Мишу, кладовщик поставил в очень жесткие рамки работы. По всей видимости, старшему лейтенанту и его протее – кладовщику была необходимость от меня избавиться. Склад я сдал в «ажуре», за исключением 50 кг муки и 20 кг риса, оказавшегося в излишках. Я продолжал работать экспедитором, но в конце месяца в часть пожаловал майор юстиции, иначе говоря, майор КГБ и потребовал от меня

отчет, почему у меня при сдаче оказались излишки. Я объяснил, что взял солдат, и накопал для своей части пять мешков трофейной картошки для разнообразия солдатской пищи. Эту картошку посадила немецкая тыловая воинская часть, следовательно, поле картофельное было трофейным. И ответил, что я ее не оприходовал, потому что на нее не было приходных документов, и расходовал ее без нормы. Поэтому остались мука и рис. Но майор юстиции был непреклонен и требовал, чтобы командир части – капитан Головкин, меня отдал на «съедение» ему, то есть он меня арестовывает и отвезет меня в определенное место до суда, называемое ревтрибуналом. Он доказывал командиру части, что излишки равносильны растрате, на что командир части не соглашался, защищая меня от этого «Спрута». После второго его приезда, не ожидая третьего, я попросил командира части – капитана Головкина отправить меня в запасной полк. Что он и сделал. Я понимал, что доносы майора юстиции – это было дело прибывшего в часть старшего лейтенанта-интенданта, сообщившего об этой, как я считал, ерунде, но им надо было избавиться от меня. Создав из моей промашки мыльный пузырь обвинений, меня могли отправить в штрафную роту. И это за то, что я беззаветно трудился по снабжению продуктами 314-й роты автоцистерн. В 130-й запасной полк я прибыл и назначен в роту автоматчиков, в автовзвод.

В автовзводе было тридцать шоферов, все офицеры были по 16-17 лет возрастом, ибо призывного возраста и старше негде было взять людского контингента на четвертом году войны, весь людской контингент перемолола война. Нас, шоферов среднего возраста, было в автовзводе всего двое. «Покупатели» – так звали представителей воинских частей, прибывших за пополнением для своей части, не брали молодых шоферов.

Через два дня из нас двоих «стариков» – шоферов, одного взяли в госпиталь, на санитарную автомашину, а

меня через шесть дней, в отдельную 28-ю Гвардейскую ордена Ленина Красного знамени, ордена Суворова, Лиозненскую танковую бригаду. Приехал за пополнением бывший старший лейтенант, но уже в звании капитана, тот, который меня проверял, точнее, пытался сделать проверку продсклада 314-й роты автоцистерн, а после был командиром нашей части.

Он был начальником боепитания танковой бригады и сказал мне: «Я бы взял тебя, Юницкий, в свое подразделение, но у меня нет вакантного места, и я тебя беру к своему другу – капитану Яцинову, в роту техобеспечения 28-й танковой бригады, ему как раз нужен такой шофер, как ты, то есть грамотный». Не успели мы приехать к штабу танковой бригады в кузове автомашины, как всех нас семерых человек повезли на разгрузку боеприпасов, туда, где шел бой. Разгружали боеприпасы мы на высотке с автомашин. С этой высотки было отчетливо видно процесс боя, правда, не так близко. Брали деревню, стоящую на высоком месте, отстоящую недалеко от леса. Видно было, как бежали наши солдаты, как падали и больше не вставали. Но вдруг прилетел снаряд и разорвался недалеко от склада боеприпасов, вслед за этим последовала команда нашего командира, руководившего разгрузкой: «По машинам!», - и мы поехали в расположение танковой бригады.

Командир роты техобеспечения – капитан Яцинов сначала дал мне продуктовую автомашину, но ему нужен был не шофер, а учетчик по учету смазочно-горючего материала, продовольствию, запчастям. Ну, в общем, помощник лейтенанту Иванову Гурию Ивановичу, ведающему учетом роты техобеспечения танковой бригады. Лейтенант Иванов был старше меня по возрасту, весь учет вел хорошо, он был на гражданке бухгалтер-ревизор какого-то района Чувашской Республики. Но вся беда была в том, что его почерк был непонятен для работников штаба бригады, да еще посылались очень замаранные отчеты, за что командир роты частенько

получал выговоры. С моим приходом дело изменилось в другую сторону. Капитан Яцинов был доволен моей работой, а лейтенант Иванов и тем более. Все цифры и подсчеты делал лейтенант Иванов, а я приводил их в порядок на бумаге. А бумажной писанины во время войны было невпроворот. Некоторые отчеты я делал самостоятельно, со временем все усвоится. Пока мы были на своей территории и по мере продвижения наших танковых батальонов, продвигалась и рота техобеспечения. Я помню, когда наша рота передислоцировалась на новое место, мы ехали колонной по лесу и доехали до перекрестка трех дорог. На перекрестке стояли четыре дома под черепичной крышей. Командование решило сделать тут передышку, да и обед уже был сварен у повара. Но только мы встали, как по этому перекрестку стала бить осколочными снарядами немецкая артиллерия, видимо, он был пристрелян. Мы же, получив команду, тронулись по правой дороге – потерь у нас не было, хотя с крыш домов, кроме осколков снарядов, летела в разные стороны черепица. Танковая бригада, в которую я влился, имела много военных заслуг за успешные боевые операции, благодаря тому, что командиром 28-й танковой бригады был подполковник (фамилию не помню), ранее бывший начальником штаба, а начальники штаба в основном были разработчики операций, все операции танковой бригады проходили успешно, с наименьшими потерями. Замполитом бригады был подполковник Нужный – еврей по национальности. Оба они погибли и погибли по безалаберности, но бывает, погибают и по случайности – война никого не щадит. В этом же году погиб командующий 3-им Белорусским фронтом, генерал Черняховский. На его место был назначен генерал Баграмян. После гибели нашего командира 28-й танковой бригады и замполита Нужного командиром бригады был назначен полковник Акопов, который всю войну проучился в академии генерального штаба. В первом же бою, по руководству Акопова, бригада

понесла потери: из 40 танков остались 8 танков. Вот что значит неумелое руководство при разработке операции. Но полковнику Акопову все это «сошло с рук», ибо теперь командующим фронта был его земляк. Потери танков были возмещены получением новых танков, а вот танкистов возместить уже нельзя. Самым тяжелым подразделением в танковой бригаде был танковый десант.

Если в пехоте во время атаки легкораненый мог остаться в живых, то на танке, падая с танка во время движения, он, кроме ушиба и калечения, еще мог попасть под гусеницы другого танка, ведь в «мертвом пространстве» механику-танкисту не было видно местности, находящейся в так называемой «мертвой зоне». Танковые батальоны, перейдя границу, уже заняли передовые позиции по штурму крепости Кенигсберг. Наша рота техобеспечения задержалась с передислокацией.

Двигались мы через Паневежис, Шауляй и последнее наше месторасположение было на немецкой территории, деревня Вайсенштейн, западнее Кенигсберга. Располагаясь в деревне Вайсенштейн, мы удивлялись, какого еще черта нужно было гитлеровцам нападать на Советский Союз, если жили они так, что нам даже и сейчас не приснится. В деревне Вайсенштейн жила только одна немка, остальные жители убежали. Мы помещались в большом одноэтажном крестьянском доме под черепичной крышей, и такие большие дома были у всех жителей деревни Вайсенштейн. Дома, как в нашей деревне, не были приткнуты друг к другу, а поставлены были на середине фасада усадьбы. Каждая усадьба огорожена металлической сеткой, ворота тоже сделаны из металлической сетки. Дом состоял из четырех или пяти комнат, также как в городских квартирах, комнаты обставлены мебелью, большие деревянные красивые кровати, имели большие перины для сна и перины вместо одеял, чтобы укрываться. В каждой комнате или на две комнаты одна печь, покрытая изразцами разного цвета, поэтому она отдавала большое тепло в комнаты. Большая

кухня имела плиту, покрытую белым изразцовым кирпичом, по сторонам плиты встроены никелированные перила для половников. У стен кухни поставлены большие шкафы со стеклами, где на полках размещались различные приправы. И это у каждого крестьянина. Съезд от шоссеной дороги, дорожки во дворе и хлеву для скотины покрыты асфальтом. Посередине двора, в пробуренной скважине, поставлена колонка для воды, но воду добывали при помощи длинного рычага и накачивали шлангом в бачок коровника. Накаченная вода в бак, стоящий наверху, сливалась по трубам, когда скотина хотела пить, иначе говоря, скотина сама умела напиться из автопоилок, а также эта вода нужна была для слива навоза в навозную яму, бывшую за хлевом. Так что в хлеву всегда был чистый воздух. Сзади двора был фруктовый сад, и рядом с фруктовым садом было огорожено проволокой пастбище для скотины, разделенное на 4 секции. Если пасущаяся там скотина поела траву в первой секции, ее перегоняли во вторую, потом в третью и четвертую, а за это время в первой секции подрастала свежая трава. Так что немецкому крестьянину в пастухе надобности не было. Немецкие коровы были голландской породы, бело-черной масти, и доили, каждая, по тридцать литров молока. Молоко сливалось в бидоны и выставлялось на шоссеную дорогу, машина потребителя этого молока забирала его на переработку. Отапливались дома прессованным угольным брикетом. В общем, уровень жизни крестьян был на уровне жизни горожанина. Наша 28-я отдельная, гвардейская, краснознаменная, ордена Ленина, ордена Суворова, Лиозненская танковая бригада участвовала в штурме крепости Кенигсберг. Перед штурмом крепости здорово «поработала» американская авиация, превратив ее в руины. Но это не значит, что для наших войск штурм был легкий, основная оборона крепости была спрятана под землей, под землей был также спрятан авиационный завод, который гитлеровцы

при сдаче затопили, открыв шлюзы для поступления воды из моря.

После каждой проведенной операции по взятию гитлеровских укреплений наша рота техобеспечения проводила текущий и средний ремонты, но иногда делали и более серьезные ремонты, по замене башен и двигателей. Вся механизация по снятию тяжелых деталей состояла из треноги – скрепленной болтом и проволокой: один конец трех толстых жердей и к этому скреплению привязывалась тяжелая таль. При помощи тали меняли также и гусеницы танка. Никаких автокранов тогда не было, весь ремонт производился вручную, в работе большую роль играл, как рычаг, железный лом. Подбитые танки отводились в укрытие, где и производился ремонт. После штурма Кенигсберга, когда уже окончились раскаты канонады, мы попросили командира роты капитана Яцинова, чтобы он дал нам машину в Кенигсберг. Что он и сделал, в распоряжение моего «шефа» лейтенанта Иванова пришла машина. После штурма Кенигсберг лежал в руинах, на окраинах кое-где осталось по одному-два дома. В подвал одного дома я с лейтенантом Ивановым зашел, чтобы посмотреть, нет ли каких трофеев. Там в углу лежал старик-немец, а посередине помещения стояли столы и на одном из них старик собрал штук пятьдесят различных будильников. Я подошел к немцу и показал ему один палец, кивая на будильник, он, не зная русского языка, кивнул мне в знак согласия головой, и я взял один будильник, чтобы нам не проспать на завтрак. Дорога шла среди развалин, и мы поехали к следующему зданию, уцелевшему от бомбежки, стоящему вдалеке. Это оказалось кирпичное длинное здание, почти без окон – продовольственный склад. Склад не охранялся и был заполнен чуть не до потолка рыбными консервами: у немцев, видимо, в крепости были большие запасы продовольствия. Нам совсем не надо было консервов, и мы повернули назад, ибо дальше по дороге ехать было небезопасно, оттуда были слышны непрерывные

автоматные очереди. Было пустынно, лишь несколько групп солдат шли по дороге, ведущей туда, откуда слышались выстрелы. Мы сравнялись с ними и спросили: «Что, там еще воюют?». Они ответили: «На косе отбиваются загнанные туда власовцы». Ну, конечно же, у них было безвыходное положение. Так или иначе - смерть. Это было перед девятым мая. 9-го мая был прекрасный день, и почти в середине дня нас собрали и объявили, что война закончена. Мы все обнимали друг друга, жали руки, было принесено два ящика немецких сигнальных патронов разного цвета, и ракеты палили в честь окончания войны в воздух. Ракеты пускали не только мы, но и близлежащие части. На другой день жизнь продолжилась в привычном военном ритме, но только солдаты стали ждать дня демобилизации, офицеров кадровой службы это не касалось.

Через некоторое время началась демобилизация по алфавиту. Я и старший сержант Урусовский – оба из Ярославля, ждали своей демобилизации. Но наши буквы уже давно прошли, а нас не демобилизуют. «Под лежачий камень вода не течет», – говорит русская пословица, поэтому Урусовский, как более свободный, чем я, узнал в штабе бригады, что командира бригады полковника Акопова упростили средние командиры, чтобы он задержал демобилизацию шоферов, что было противозаконно. Это потому, что средние командиры набрали себе трофейных автомашин легковых, как «Опель-блиц», «Опель-кадет», «Ситроен», а ездить на них не умеют, а 28-я танковая бригада должна была передислоцироваться из-под Кенигсберга в Кишинев.

Вот оказывается, в чем был секрет задержки нашей демобилизации. Мы должны были вести эти частные, надо считать, автомобили в Кишинев. Но за полковником Акоповым было еще крупное нарушение законодательства и устава РККА. Он, уже после объявления об окончании войны, организовал «набеги» на немецкие фермы, оттуда грузили довольно respectable мебель. И эти

груженные машины отправляли в Москву, видимо, себе и своим родственникам. А это характеризуется одним словом – «мародерство». Об этом мы с Урусовским сообщили прокурору военного округа, который немедленно на это отреагировал. Через несколько дней меня и Урусовского вызвали в кабинет полковника Акопова. Отрапортовав, мы встали и стали слушать ругательства в наш адрес. Полковник Акопов ходил по кабинету, а что он произносил – на нас это не действовало. Сделать нам, при всем его желании, он ничего не мог, в этом мы были убеждены. На следующий день подъехала к фургону, где я жил, грузовая автомашина, и мы, предварительно распрощавшись, погрузились в кузов. Привезли нас на какую-то маленькую станцию железной дороги, где останавливались только грузовые поезда. И вот я и Урусовский погрузились на открытую грузовую платформу товарного поезда и приехали, как победители, на грузовую станцию в Москву. Наняв такси и погрузив свои «трофеи», состоявшие из перины и старого, без шин велосипеда, мы уехали на Ярославский вокзал, а оттуда в г. Ярославль, переслужив 3 месяца после войны. А теперь моей жизни не позавидует ни один побежденный немец, живущий в Германии и работающий на непрестижной работе дворника или получающий приличную пенсию.

В моих воспоминаниях только правда, никакой фантазии нет, почти все события я испытал сам. Никто в войне не искал героики, так и в моем участии в войне нет героики, да и не для того мы были на войне. Каждый выполнял приказ вышестоящего командира, причем беспрекословно, да и морально были в душе за то, чтобы победить врага, сохранить Родину. Это был тяжелый, с опасностями труд. Война – это не прогулки, в течение четырех лет, в рощу или лес за ягодами. Конечно, в моих воспоминаниях нет многих дат и многих населенных пунктов. Вполне естественно – это могло быть, если бы я был военным корреспондентом и вел дневники, а то ведь я был солдат-шофер, времени было в обрез. Да и где я бы

мог дневники хранить, ведь у меня был только вещевой мешок. Так что все мои воспоминания хранились у меня в голове в течение пятидесяти лет.

Это интересно

«Полуторка»

На фото Юницкий В.А. крайний справа. Валентин Александрович всю Великую Отечественную войну прошел в качестве шофера на «полуторке».

Свое название автомобиль получил благодаря грузоподъемности — 1500 кг. Образ горьковского грузовика стал частью национального культурного кода, а внешний вид машины узнаваем и спустя многие десятилетия после закрытия производства. Полуторка вытянула вместе с Советским Союзом все масштабные стройки 1930-х годов,

тяжелые годы Великой Отечественной войны и послевоенный период восстановления народного хозяйства.

Серийное производство нового грузовика началось в 1932 году в Нижнем Новгороде, на построенном здесь Нижегородском автомобильном заводе имени В.М. Молотова. В том же году Нижний Новгород был переименован в Горький в честь «первого пролетарского писателя». Вслед за городом переименовали и завод, который до сих пор известен, как ГАЗ. Поэтому название ГАЗ-АА закрепилось за полупроками только в конце 1932 года.

Уже в годы Великой Отечественной войны возникла острая потребность в максимальном упрощении грузовика. Военные версии полупроки вошли в историю под

обозначением ГАЗ-ММ (на фронте обозначались как ГАЗ-ММ-13). Полупрока военного времени производилась вплоть до 1947 года.

Модернизация была направлена на максимальное удешевление и ускорение производства. О комфорте

водителя никто не думал. С таких серийных автомобилей исчезли вторая фара (осталась только со стороны водителя), зеркало заднего вида, клаксон, бампер, дворник остался один – со стороны водителя. Сиденье водителя было цельнодеревянным и не имело никакой обивки. Полуторку заводили при помощи «кривого стартера», то есть, вращая рукоятку – устройство для пуска двигателя при помощи кривошипной ручки. Полуторка ездила практически на всём, что горит. Количество выпущенных в СССР полуторок, лишь чуть-чуть не дотянуло до одного миллиона экземпляров.